

УДК 821.161.1-1

И. П. Карпов

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

ПОЭЗИЯ ЕКАТЕРИНЫ ДОБРОЛЮБОВОЙ (ЭВОЛЮЦИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ)

В статье анализируется творчество замечательной юринской (Республика Марий Эл) поэтессы Екатерины Добролюбовой в аспектах содержания и поэтической формы. Жизненный и творческий путь Екатерины Добролюбовой разделяется на два периода – юринский (с недолгим пребыванием в Магнитогорске) и магнитогорский (с постоянными посещениями Юрино). Временной рубеж – 1984 год. Задача понять творчество поэтессы в целостности и полноте – интересна для нас и в краеведческом аспекте (сохранение памяти о прекрасной нашей поэтессе), и в теоретическом: что приобретает поэт, перебравшись из маленького поселка в большой промышленный город, в котором существуют несколько литературных объединений, кипящая политическими и поэтическими страстями среда, несколько групп поэтов разных эстетических направлений. Своеобразие поэзии Екатерины определится слиянием природности природы поэтессы (изначальное чувства природы) и поэтической культуры, приобретаемой через самообразование и общение с поэтами-современниками. Стихи Екатерины Добролюбовой второй половины 1970-х годов – это уже поэтическая зрелость. В поэзии Екатерины Добролюбовой к рубежу 1970–1980-х годов обозначилось две тенденции. Первая – *народно-оптимистическая тенденция*. Оформляется вторая идейно-стилистическая тенденция в поэзии Екатерины Добролюбовой – *лично-эпигическая*, с выражением автором своих внутренних – часто трагических – переживаний. Интонационное богатство, цветение рифм, гармония звуков, лексическое разнообразие – характерные черты зрелой поэзии Екатерины Добролюбовой.

Ключевые слова: интенциональное содержание авторского сознания, поэтическая цельность, лирическая героиня, лирическая система, русская поэзия Марий Эл, поэзия Магнитогорска

Жизненный и творческий путь Екатерины Васильевны Добролюбовой (1949–2005) разделяется на два периода: юринский (п. Юрино, Республика Марий Эл) и магнитогорский. Временной рубеж – 1984 год, время переезда в Магнитогорск.

Задача понять творчество поэтессы в целостности и полноте интересна для нас не только в краеведческом аспекте, но в историко-литературном и теоретическом: как происходит эволюция интенционального содержания авторского сознания, как достигается адекватное стиливое воплощение авторского мировосприятия.

1. Ранние стихи

В маленькой заметке (на одной страничке плотной бумаги) Екатерина Добролюбова указала свои лучшие ранние стихотворения.

«Пишут в молодости все – или почти все, когда мир еще существует в ярких тонах и кажется, что ни беды и горести – все это обойдет тебя стороной.

Так появились стихи 1) Зачерпну воды студенной... 2) Кому большие города 3) Мне хочется везде

успеть 4) Живу подолгу в городах... 5) На лыжи бы! 6) Первый дождь».

Первое стихотворение из авторского списка было настолько значимо для Екатерины Добролюбовой, что она публиковала его на протяжении всей жизни. И действительно, это стихотворение ярко характеризует мировосприятие молодой поэтессы.

Зачерпну воды студенной
из колодца-журавля...
Я давно хожу влюбленной
в красоту твою, земля!
В эти малые тропинки,
день, намеченный в заре,
в колокольчик тонкой льдинки
в холодеющем ведре [5, с. 3].

Приметы деревенского (поселкового) быта, эмоциональная восторженность, влюбленность в красоту родной земли, но также непосредственное выражение своих мыслей в предложениях, традиционные стихотворные размеры – все есть в лирике начинающей поэтессы, что есть в лирике начинающих.

Это радостный девичий мир, полный надежд на то, что «день не зря я прожила / и дальше жить я не напрасно буду», лирической героини хочется «стрелой травинки встать отважно / и отозваться в сердце каждом».

Девушка восхищена окружающей природой и желает передать это чувство другим людям.

Полубуйтесь ласточкой в полете,
Ветра троньте звонкую струну.
Сами сердцем дрогнувшим поймете,
Как вам нужен мир, а вы – ему [3, с. 145].

В ранних девичьих стихах утверждается верность своей малой родине, но в то же время надежды поэтессы связаны с дорогой, с иными краями, хотя она и думает, что это «не надолго».

Кому – большие города,
А я привержена к полянам...
.....
Где говорок наш – весь на «о» –
Впитала в свое имя Волга,
И, где готовя в путь весло,
Я сердцем знаю: не надолго [6].

К сожалению (или не к сожалению – и для автора, и для нас, читателей), но это «ненадолго» в конце концов обернется «навсегда» (правда, с постоянными посещениями малой родины), пока же: «Комнатный мирок мне тесен – / Дорога успокоит. / Самых лучших песен / Дорога стоит».

Так пишут многие начинающие поэты – искренне выражая свое радостное восприятие мира, любовь к природе и людям. Но это еще не поэзия.

Обратим внимание на то, что у Екатерины Добролюбовой почти нет стихов – описаний природы. С самого начала – чувство, выражаемое через образы природы и деревенского быта: «колокольчик тонкой льдинки / в холодеющем ведре», «Тропинка к отчему порогу», «Черной пашни строчки», «небо над рощей / Василькового цвета», «Кленовые листья – / гусиные лапы», «с разбойничьим набегов трав», «Солнце плыло лодкой»... В дальнейшем это свойства авторского мировосприятия будет наполняться новым поэтическим содержанием.

Не только ощущение природы как дара свыше, но и наполнение образной памяти будет продолжаться во весь юринский период жизни Екатерины, что проявится и в ее зрелых стихах.

В дальнейшем своеобразии поэзии Екатерины определится слиянием природности натуры поэтессы (изначальное чувства природы) и поэтической культуры, приобретаемой через самообразование и общение с поэтами-современниками.

2. Зрелость.

Две идейно-стилистические тенденции

Стихи Екатерины Добролюбовой второй половины 1970-х годов – это уже поэтическая зрелость. Это те стихи, с которыми она явится на семинары «Литературная осень» в Йошкар-Олу (начало 1980-х годов), а потом, переехав жить в Магнитогорск, пошлет их в газету магнитогорских строителей.

В поэзии Екатерины Добролюбовой к рубежу 1970–1980-х годов обозначилось две тенденции. Первая – *народно-оптимистическая*.

«Яблоки» («Юрино объедается!»), «Наверное, была права...», «Баный день» («Одеяло ночное провисло...»), «Девятого мая» («Застолье... Можно ль солоней...»), «Утру хлопотно, будто синице...», «Жизнь, какая ты штука вольная!» – целый ряд стихов большого народного звучания.

Вы ищите высокого смысла
в дне ушедшем, делах и речах,
ну а я понесу коромысло,
как лебедушку на плечах.

.....
Снова чистое в небе повисло,
раскачалось на лучах.
Жизнь полна высокого смысла
даже в стареньком коромысле,
что лебедушкой на плечах [4].

Это первая и последняя строфа раннего варианта стихотворения «Баный день».

Екатерина Добролюбова становится выразительницей мировосприятия целого поколения – с его памятью о послевоенном детстве, с его ощущением своей причастности к судьбам отцов и матерей.

Застолье...
Можно ль солоней
заесть глоток крепчайшего хмельного?
И мама вновь сползает по стене,
лицом к портрету парня молодого.
День нынешний у памяти высок.
Не май – доверие в раскрытой раме.
Но индевет, горбится кусок
на третьем,
полном доверху,
стакане [2].

В одном из лучших стихотворений этого периода творчества («Жизнь, какая ты штука вольная!») – картина послевоенного детства, радость матери, что достала (огоревала) сковороду (достала с трудом, с горем), радость ребенка от лепешки на постном масле, признание взрослыми своей вины перед детьми – и улыбка автора («кто не встретится, даже курице, сообщали...»).

Жизнь, какая ты штука вольная!
Здесь – на радость, а там – на беду...

Помню, мама пришла довольная:
– Вот огоревала сковороду.

И, лепешки жуя на улице –
в масле постном, а как в меду!) –
кто не встретится, даже курице,
сообщали про сковороду.

– Мы огоревали, огоревали, –
улыбались набитые рты.
Виноватились взрослые:

– Горе вы!
Что с вас спрашивать, сироты...

В вечной спешке, в заботе вечной,
покупая все на ходу,
прихожу домой и – беспечно:
– Вот огоревала! –
... вот огоревала...

Этому народному миру, бабушкам – мастерицам «ткать цветастые половики», которые «всеми радугами цветут», поэтесса говорит: «Заберите мой век, мастерицы, / если песни такой не сотку».

Но... «Но выбирало сердце путь, / а сердцу – верить надо». Сердце Екатерины Добролюбовой выбирает не многоцветье окружающего мира и радость его, но чувства одиночества – «Кругом – родни живая вязь, / а – одиноки». И грусти.

Грустно так – грустнее не бывает.
Уплывает вечер, уплывает
В тихую задумчивость небес.
Словно еж зеленый, дремлет лес.
Как ни странно, ночь не убывает.
Грустно так – грустнее не бывает...
Это сердце сердце забывает.

Так оформляется вторая идейно-стилистическая тенденция в поэзии Екатерины Добролюбовой – *личностно-элигическая*, с выражением автором своих внутренних – часто трагических – переживаний, что станет основным предметом изображения во второй половине 1980-х – 1990-е годы.

3. Изменение интенционального содержания авторского сознания

Вторая половина 1980-х годов – звездный поэтический час Екатерины Добролюбовой. Заканчивается этот период публикациями в «Комсомольской правде», в литературных страницах «Молодого коммуниста», сборником «Поворот к дождям» (автору – 42 года), критическими откликами Натальи Милуновой (Бугаенко) (Юрино) и Игоря Варламова [1] (Магнитогорск).

Екатерина Добролюбова оказывается в кругу бурлящей политическими и литературными страстями среде. Она общается с писателями разных поэтических пристрастий, но особенно близкими оказываются ей поэты литературной группы «Дыхание». Александр Ерофеев и Николай Якшин оказывают на поэтессу, приехавшую из Марий-

ской республики, особенно сильное и благотворное влияние, прежде всего – в области поэтического мастерства.

Как следствие пребывания в новой литературной среде, как следствие новых душевных состояний – в поэзии Екатерины Добролюбовой происходит изменениями в направленности (интенциональности) авторского сознания: *от окружающей природной и народной жизни – к личным переживаниям*. Екатерина Добролюбова окончательно формируется как поэт. Ее стихотворения приобретают совершенную законченную формы.

3.1. Сборник «Поворот к дождям» (1991) отразил этот переходный период в творчестве поэтессы. Сборник существует в двух вариантах – юринском (машинописном) и магнитогорском (изданном книгой). Эти два варианта существенно отличаются друг от друга подборкой и последовательностью стихов (общей композицией). Естественно предположить, что ранний юринский вариант более авторский, на второй оказали влияние редактор, технические условия подготовки рукописи в виде книги.

Юринский вариант начинается стихотворением, задающим философско-лирическую интонацию всему первому разделу.

На сквозных качелях ветра
даль яснее.
Бродит осень. И я с нею –
в листочные аллеи,
где, желтея и алея,
бьются оземь листья с веток.
Не покаянно – тревожно,
суетно, неосторожно
в голубиных небесах.
Что-то зреет снежно белым
за невидимым пределом.
Что-то взвешивают, верно,
на блистающих Весах.

Магнитогорский (книжный) вариант сборника выстроен по-другому, и открывается он программным для уже «магнитогорской» Екатерины Добролюбовой стихотворением именно в виду нового предмета изображения – личной жизни, переживаний лирической героини.

Отзвучит в головке темно-русой
дней орган.
Жизнь моя – рассыпанные бусы
по торгам.
.....
... Нить тонка, как волос темно-русый,
плоть и стать.
Жизнь моя – рассыпанные бусы
не собрать.

«Исповедальная лирика. Тише! Внемлите. Исповедуется поэт» [1], – приветствовал сборник

«Поворот к дождям» Игорь Варламов, магнито-горский товарищ Екатерины Добролюбовой.

Действительно, поэзия как исповедание сердечных мук становится главным содержанием творчества Екатерины Добролюбовой, приобретая порой пронзительное выражение: образ сердца – жалкого бьющегося комочка...

А сердца жалкий бьющийся комочек
так мне помочь старается, так хочет
не захлебнуться кровью на бегу...

3.2. Теперь стихи Екатерины Добролюбовой наполняются или предчувствием беды, или описаниями ее эмоциональных последствий.

В стихотворении «Комар» (1990) поэтесса нашла довольно точный, на мой взгляд, эпитет для своей жизни – «миражное житье».

Болотный сын!
Чума тебе в нытье!
Опять нещадно память полосую.
Мое и так миражное житье
ты превратил в бессонницу сплошную.

3.3. Изменяется пространственное положение лирической героини, ее физическая точка зрения на мир.

В стихотворениях 1970 – начале 1980-х годов лирическая героиня находилась в постоянном движении, ее пространство – родные волжские просторы, она привержена сельскому труду: «Хожу взволнованно по полю», «И вновь на волжских берегах / иду по россыпям песка», «Зачерпну воды», «Мне хочется везде успеть. / С весенней птицей песню спеть», «На лыжи бы! / И снова – в зимний лес», «По росе босиком», «Квас поставлю на ягоде кислой, / у печи запоем самовар»...

Теперь – окна... «И мир – закатные огни / в пределах окон».

Было уже в ранних стихотворениях: «Окно горит в весенней мгле», «Я так давно не была на улице, – / Рада даже этому дождю».

Теперь лирическая героиня поэзии Екатерины Добролюбовой находится в замкнутом домашнем пространстве и смотрит на мир из окна комнаты: окружающий мир, в который она когда-то была влюблена, теперь это – законный мир: «Смотри – в окне зеленым не колышет», «Ой, законные вязы...», «И мир – закатные огни / в пределах окон», «В доме теплом – / окна тепло / замалинили», «Сквозь драгоценность лунных окон – / окатный свет»...

3.4. Одним из главных предметов изображения становятся любовные переживания.

Ранняя образность «любовь – звезда – глаза» в магнитогорский период (вторая половина 1980-

годов и далее) разворачивается в целом ряде стихотворений, которые в машинописи помечены: «из поэмы “Карие звезды”».

Горящие отчаянно
соедини мосты!

.....

Что сердцем переложено –
прочь!
Выведено ложное
на свет из темноты.
Теперь, когда я зрячая,
горячая,
горячая, –
все ярче,
все желаннее,
все невозможней ты!..

Это стихотворение составителем второго сборника Николаем Якшиным помещено в самом начале, что вполне объяснимо.

Любовь для лирической героини Екатерины Добролюбовой – прежде всего в родстве душ, в трепетном восприятии окружающего.

Вы – снежинку
на теплой ладони,
не шутя, подарите
прохожему,
как невиданную звезду.
Рук доверчивых не уронит,
улыбнется, –
нашли похожего.
...К этой встрече всю жизнь иду!

Такие создания – как Екатерина Добролюбова – воспринимают жизнь и окружающее в каких-то неуловимых для других людей колебаниях, невидимых флюидах, исходящих от людей, птиц, животных, деревьев, земли, камней... Можно ли в нашей жесткой и жестокой жизни найти такой душе отклик?

После «сна» «в шестнадцать лет» (это, вероятно, жизнь в Юрино), настолько тяжелого для женщины, что ей можно было бы «отчаянно отчаяться», – появляется «созвездье света небывалого – / Карее созвездие Любви».

Каждой встрече я душой открыта,
только счет их равен и прощаньям,
только ни одна – ни в унисон
с образом твоим.

И горек хлеб,
что с судьбой делю.
И, не забытый,
снится сон
длиной в шестнадцать лет.
Сколько лет
дожди в окно стучатся.
Столько весен –
мимо.
Столько зим.

Мне пора б отчаянно отчаяться,
мне пора б смертельно накричаться,
мне пора б поставить точку.

И –

жить...

Вот так: не шатко и не валко,
семь раз мерить и один – кроить.
Только есть

созвездье небывалое,
есть созвездье света небывалого –
Карее созвездие Любви!..

Это стихотворение осталось в машинописи, т. е. не опубликованным. В ранних стихах было: «Там – гордость, гордость за чертой». Теперь – не до гордости: «Меняю: жизнь – на милость / твою. / Прими, не отрекайся, пожалей!»

В конце концов: надо всем прожитым и пережитым – мудрое понимание своей «миражной» судьбы и взгляд на себя как бы со стороны – из «одиноких ночей» и «непутевой осени», но с глубокой внутренней болью.

Я легко ухожу. Стронится плеча
ветер лета, печален и нежен.
Я легко ухожу к одиноким ночам,
словно ты в моем сердце и не жил.
Угасает огонь красных листьев в саду.
Ах, юдоль – непутевая осень! –
метит стрелами смерти, что ангел в бреду,
уходящую летнюю просинь.

3.5. Несмотря на автобиографизм, порой чисто женские переживания, в поэзии Екатерины Добролюбовой постоянно ощущается устремленность к Высшему.

Свечением древесных тел
Сползает наземь непогода.
И думы вовсе не у дел,
А у небесного исхода.

Чаще всего эта устремленность выражается не напрямую, но косвенно, через детали, или в осознании своих внутренних состояний не только как части своего «я», но как нечто всеобщего. И тогда взгляд лирической героини прорывается через замкнутое пространство, через окна – к «невидимому пределу», где «Что-то взвешивают, верно, / на блистающих Весах».

И тогда, хотя «даже в твердокаменных сердцах / среди плевел посеял зерна страх» (страх смерти), это все же происходит в апреле – вероятно, в дни Великого поста (стихотворение «Апрель»):

Вот и зимы несносный монолит
заплакал средь Христовых молитв.

Екатерина Добролюбова выросла в самом обыкновенном деревенском доме: кровать, кухонный стол, киот с иконами, печь, тумбочка с книгами... Вот откуда при прощании с домом: «Полпоклона, да на Бога, / что в углу».

3.6. Основной эмоциональный комплекс, объективируемый в поэзии Екатерины Добролюбовой, можно назвать «высокогорьем печали», цитирую саму поэтессу. Из этого высокогорья и этой печали она сотворила свое поэтическое страдание в «городе с пропавшей душой».

Высокогорье печали
в начатом календаре.
Легкое – там, за плечами,
трудное – здесь, в январе.

В худенькой, гнутой, лобастой
умер недавний азарт.

Был неугодно отчаян,
не без борьбы отошел.
Высокогорье печали...
Город с пропавшей душой.

Екатерина Добролюбова: «Стихи – это всегда состояние души. Проходят войны, революции и даже перестройки, а такие вечные ценности, как дружба, верность, любовь к отчеству, малой родине, вечная тяга к общению, а значит и познанию – остаются и служат поэзии Кастанальским неиссякаемым источником, ее вечными темами» (Авторская запись).

Именно в этом – Екатерина Добролюбова, осознавая, через что она все это (дружбу, верность, любовь...) может выразить – через себя, через свою некую потусторонность окружающему миру, через реальность мира внутреннего.

3.7. Екатерина Добролюбова приобретает, а точнее, реализует в зрелый период творчества одно из свойств, дарованных поэтам свыше, – умение сказать главное всем стихотворением, наделять стихотворение внутренним смыслом (подтекстом).

Из колючей серой шерсти,
из глазастых горных шершней
наматался снов клубок,
укатился в уголок.

И грешна душа, тесна
без сна:
заполошной мышкой в тире –
до будильника в четыре.

И еще: передать мысль и чувство – через образ: «заполошной мышкой в тире – / до будильника в четыре».

Содержание может быть разным. Например, – прощание с любимым.

Я тебя обидела молчаньем?
Не молчанье это – бережливость.
Мне так много выпало отчаянья...
Не сломалась я,
но надломилась.

Вот и бережлива на слова я –
это ли не осени примета?
В молчаливо гаснущем закате
столько света!

Но в любом случае здесь именно это: цельность чувства – цельность стиха, как у Фёдора Тютчева – вспомним («Последняя любовь»): «Сияй, сияй, прощальный свет / Любви последней, зари вечерней!»

Так и в стихотворении Екатерины Добролюбовой «Я тебя обидела молчаньем?» запечатлено умение удержать внутри себя цельное чувство и умение передать эту психологическую цельность в словено-образной целостности, когда все на месте, все точно, все взаимосвязано, когда во-едино слиты мысль и образ, чувство и ритм, смысл, звучание и графика.

3.8. Интонационное богатство, цветение рифм, гармония звуков, лексическое разнообразие – характерные черты зрелой поэзии Екатерины Добролюбовой, прекрасной иллюстрацией чего может быть следующее стихотворение.

В доме теплом –
окна тепло
замалинили.
Похожу не Федрой, – Фёклой
по рябиновым истолкам
по Марининым.
Что за вздохи исполины!
Слоги – повестны.
И не сладко на рябинье,
и не совестно.

В этом случае окружающий мир не уходит в законье, просто глубже погружается в душу автора и его слово. Последняя часть триптиха:

Я сегодня – шиповник колючий,
разве равному поклонюсь.
На бедой облюбованной круче
никакой я беды не боюсь.
Тучи рядом и тучи мимо...
Заворожен навеки мой взгляд:
в пестролесье редки, но едины
огневые, резные рябины
так по-бабьи,
так горько стоят.

Упоминание Марины Цветаевой не случайно. Екатерина Добролюбова следует цветаевской традиции – в поиске новых поэтических возможностей стиха (звукопись: *тёплом – тепло, замалинили – Марининым*; лексика: *рябиновые истолки, слогги – повестны*), в изображении трагического женского мировосприятия (образ рябины).

* * *

В лучших зрелых стихах Екатерины Добролюбовой воплощается ощущение лирической героиней себя не только как части природы, но как части мироздания.

Грозит Илья сковать на реках лед.
Ему за старость. Он впадает в ересь.
По островкам болот волшебный вереск
Вложил горчинку в королевский мед.
Кустарничек, малютка, часть летка,
цветы невзрачны, не букет для дам.
Но сколько тайны в синих мотыльках,
в упругих вёшках сколько скрытых драм.
В невольничье, звериное житье,
там, где царил наидревнейший век,
глоток надежды вкладывал в питье,
пугающийся неба человек.
Отжившим мхом отваливалось время,
эпохи набухали, как нарывы,
но той же тайной вереск мой оваян,
с которой не проститься у обрыва.

В данном случае мы имеем дело уже не просто с радостным восприятием конкретных природных явлений и предметов, но с выражением внутреннего понимания таинственности природы и жизни человека в их из века в век длящемся единстве. Теперь природная деталь (например, «упругая вёшка» и «синий мотылек цветка» вереска) становится символом такого понимания, такого мировосприятия. С этой тайной, из глубины веком пришедшей к нам, – «не проститься у обрыва», она – в нас, в людях, она – мы. Наметившиеся еще в юринский период две идейно-стилистические тенденции (народно-оптимистическая и личностно-элигическая) сливаются в гармоническое целое.

Подобные стихи вызывают в памяти многие строки и Николая Заболоцкого, и Николая Рубцова, и Александра Сычёва, наполненные ощущением связи времен.

1. Варламов И. «Я беззащитна в отзвуках молвы» // Магнитогорский рабочий. 1991. 13 декабря. (Цит. по: Варламов Игорь Валерьевич. Статьи, рецензии // Lib.ru / Современная литература: http://lit.lib.ru/w/warlamow_i_w/text_0040.shtml).

2. Добролюбова Е. «Встаньте утром рано, до рассвета...» // Дружба: литературно-художественный сборник. 1983. Вып. 8.

3. Добролюбова Е. «Вы ищите высокого смысла...» // Машинопись; Опубликованный вариант под названием «Баный день» (сборник «Поворот к дождям». – С. 25) существенно отличается от машинописного.

4. Добролюбова Е. «Живу подолгу в городах...» // Юринский рабочий. 1973. 21 апреля. (Под названием «Мое начало»).

5. Добролюбова Е. «Зачерпну воды студенной...» // Магнитострой. 1984. 9 июня.

6. Добролюбова Е. «Кому – большие города...» // Машинопись.

7. Добролюбова Е. Дороги («Люблю дороги дальние...») // Магнитострой. 1969. 15 февраля.

Статья поступила в редакцию 1.03.2016 г.

Для цитирования: Карпов И. П. Поэзия Екатерины Добролюбовой (от интенционального содержания авторского сознания до поэтической цельности). 2016. № 2 (22). С. 76–82.

Об авторах

Карпов Игорь Петрович, доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, kip52@yandex.ru

I. P. Karpov

Mari State University, Yoshkar-Ola

POETRY BY EKATERINA DOBROLYUBOVA (EVOLUTION OF THE WRITER'S VIEWS)

The article analyzes the work of a remarkable poet Ekaterina Dobrolyubova in the aspects of content and poetic form. She is from the Yurinsk District of the Republic Mari El. The life and work path of Ekaterina Dobrolyubova is divided into two periods – Yurinsk (with a short stay in Magnitogorsk) and Magnitogorsk (with constant visits in Yurino). The research investigated the temporary line of 1984. The challenge to understand the work of the poet in its integrity and completeness is interesting for us both in the local history aspect (keeping the memory of our wonderful poet), and theoretical. The main issue is: what does the poet gain after moving from a small village in a big industrial city, where there are several literary associations, society, seething with political and poetic passions, and several groups of poets of different aesthetic directions? The peculiarity of the poetry by Ekaterina is determined by the merger of naturalness of poet's nature (the original sense of nature), and poetic culture, acquired through self-education and communication with the contemporary poets. Poetry of Ekaterina Dobrolyubova in the second half of the 1970s is a poetic maturity. Two trends became apparent in the poetry by Ekaterina Dobrolyubova to the turn of 1970–1980-ies. The first one is *the people's optimistic trend*. It is made out the second ideological and stylistic tendency in poetry Ekaterina Dobrolyubova – *personal-elegiac*, with an expression of their internal – often tragic – experience. Intonational wealth, bloom of rhymes, harmony of sounds, lexical diversity constitute the characteristics of a mature poetry by Ekaterina Dobrolyubova.

Keywords: intential content of the author's consciousness, poetic integrity, lyrical heroine, lyrical system, Russian poetry of Mari El, poetry of Magnitogorsk

1. Varlamov I. «Ja bezzashhitna v otzvukah molvy» [“I am helpless in the echo of the rumors”]. *Magnitogorskij rabochij* = Magnitogorsk worker. 1991. 13 dekabrja. (Cit. po: Varlamov Igor' Valer'evich. Stat'i, recenzii // Lib.ru / Sovremennaja literatura: http://lit.lib.ru/w/warlamow_i_w/text_-0040.shtml).

2. Dobroljubova E. «Vstan'te utrom rano, do rassveta...» [“Get up early in the morning, before dawn ...”]. *Druzha: literaturno-hudozhestvennyj sbornik* = Friendship: literary and art collection. 1983. Vyp. 8.

3. Dobroljubova E. «Vy ishhte vysokogo smysla...» [“You're looking for a high sense ...”]. Mashinopis'; Opublikovannyj

variant pod nazvaniem «Bannyj den'» (sbornik «Povorot k dozhdjam». – S. 25) sushhestvenno otlichaetsja ot mashinopisnogo.

4. Dobroljubova E. «Zhivu podolgu v gorodah...» [“I live a long time in the cities ...”]. *Jurinskij rabochij* = Yurinsk worker. 1973. 21 aprelja. (Pod nazvaniem «Moe nachalo»).

5. Dobroljubova E. «Zacherpnu vody studennoj...» [“I'll scoop up some ice cold water ...”]. *Magnitostroj*. 1984. 9 ijunja.

6. Dobroljubova E. «Komu – bol'shie goroda...» [“Someone is for big cities ...”]. Mashinopis'.

7. Dobroljubova E. Dorogi («Ljublju dorogi dal'nie...») [Roads (“I like long roads ...”)]. *Magnitostroj*. 1969. 15 fevralja.

Submitted 1.03.2016.

Citation for an article: Karpov I. P. Poetry by Ekaterina Dobrolyubova (evolution of the writer's views). *Vestnik of the Mari State University*. 2016, no. 2 (22), pp. 76–82.

About the autor

Karpov Igor' Petrovich, Doctor of Philological Sciences, Full Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, kip52@yandex.ru